

Фабрика „вечных, внеклассовых ценностей“

Академия Художественных Наук — «над стогнами времени и пространства»

Штаб реакционных течений в искусстве

Чем они дышат

Президент Государственной академии художественных наук (ГАХН) П. С. Коган в 1925 году порадовал советскую общественность и науку многообещающим заявлением о том, что «работы... находящиеся в рукописных архивах академии, доклады в отдельных заседаниях секций и отделений, научные достижения некоторых членов академии, ведущих лабораторную работу, явятся несомненным вкладом в науку об искусстве, когда будут опубликованы», ибо «возникшая в атмосфере революции, обвевая ее дыханием, академия все более становится не только центром научно-художественной мысли страны, но и средоточием революционных исканий и стремлений в области искусства». (Бюллетень ГАХН № 1).

С тех пор «обвеваемая дыханием революции», ГАХН непрерывно тучнела, плодилась и множилась. В настоящее время едва ли есть возможность подсчитать все те комиссии, подкомиссии и группы, какие нашли приют в ее гостеприимных стенах. Академия давно уже имеет возможность широкой публикации своих «достижений», своих «несомненных вкладов в науку». Со своей стороны советская общественность имеет теперь возможность оценить ра-

Продолжая кампанию за оздоровление Академии Художественных Наук, мы считаем необходимым указать на исключительное «кладископие» Главискусства в этом вопросе, который его непосредственно касается.

ГАХН находится в ведении Главискусства. Несмотря на это, оно не сочло нужным отозваться на появившиеся у нас статьи против нынешнего положения в Академии. Мы ждем от Главискусства разъяснения его позиции и указания тех мероприятий, которые оно предполагает провести для оздоровления Академии.

поставила его искусство избранная им тема судьбы и образ времени». Значит — «вечная и внеклассовая ценность» (интересно, что она приписывается художнику, чуждому советской действительности!).

Душевнобольные гении

Гахновские «академики» рассматривают искусство не как результат реальных общественных условий, не как социальную категорию, а как «духовную

тально необходимости «выключения» содержания портрета из сферы реальности»!

Неудивительно, что реальности гахновские философы предпочитают миф, о котором было сделано невообразимо множество докладов в философском отделе.

Неонародники под маской социологов

Социологию искусства представители в ГАХН люди, ничто общего не имеющие с марксизмом и приспособившие социологические принципы к формалистическому искусствоведению.

В бюллетенях ГАХН есть хорошие образцы этой «социологии». В комиссии «по социологическому изучению нового русского искусства» прочтен доклад С. Н. Дурылина: «Художник деревни В. Максимов». Докладчик отмечал, что истоками творчества В. Максимова было народное искусство, его живопись является выражением крестьянства... Это является настолько неверным и наивным, что настоящий социолог никак не мог бы прийти к такому выводу. К «социологии» отнесен узкоформальный доклад Греча: «Живописное наследие в творчестве Федотова» и др. В общем же работа комиссии была построена на составлении биографических карточек художников и ничего общего с социологией не имела.

Социологизм ГАХН в большинстве случаев лишь маскирующееся неонародничество.

Дальше XVII века не уйти

Что же касается марксизма, то это слово в ГАХН даже почти и не произносится. ГАХН как-будто живет не в XX столетии, и не в СССР. ГАХН с большим рвением занимается изучением старого искусства, но не современного — психоанализом и метафизикой, — но отнюдь не наукой.

Осенью 1926 года при физико-психологическом отделении была создана комиссия по изучению художественного воспитания. И чем же она стала заниматься? Вопросами художественного воспитания в советской школе в наших условиях? Ничего подобного! Она начала с изучения художественного воспитания в... древней Греции, в 1927 году дошла до эпохи возрождения, закончила ее обзор в 1928 году и только тогда перешла к темам «систематическим», но и здесь не были поставлены необходимые вопросы.

Другой пример — подсекция эволюции художественной формы. Здесь с осени 1926 года и по июнь 1928 года было прочтено 24 доклада. Перечислим некоторые из них: «Начало московской архитектуры», «Начало московской живописи», «К композиции масс в московской и храмовой архитектуре XVI в.», «Москв. Новгород и Псков в XIV в.», «Московская гравюра XVI в.», «Генезис композиции крыльца церкви села Тайнинского», «О колокольнях», «Дом Бестужева-Рюмина в немецкой слободе», «Собор Спаса на бору», «Московская архитектура XVI в.» (церкви), «Домогольский орнамент», «Русская икона XVII в.», «Эмаль XVII в.», «Изразцы XVII—XVIII вв.» и т. д., и т. д.

Далее XVII века подсекция, таким образом, не заходит. Изучаются преимущественно церкви, иконы и т. п.

Такое тяготение к религиозному искусству не случайно для ГАХН, где сидят поповствующие идеалисты (иногда и сами бывшие попами), толстовцы, «бывшие люди» и вообще все, кто спасается от революции.

Штаб антимарксистского искусствознания

Одно очевидно: академия, «обвевая революцией», представляет собой главный штаб антимарксистских, реакционных течений на фронте искусствознания. Штаб довольно большой и плодотворный.

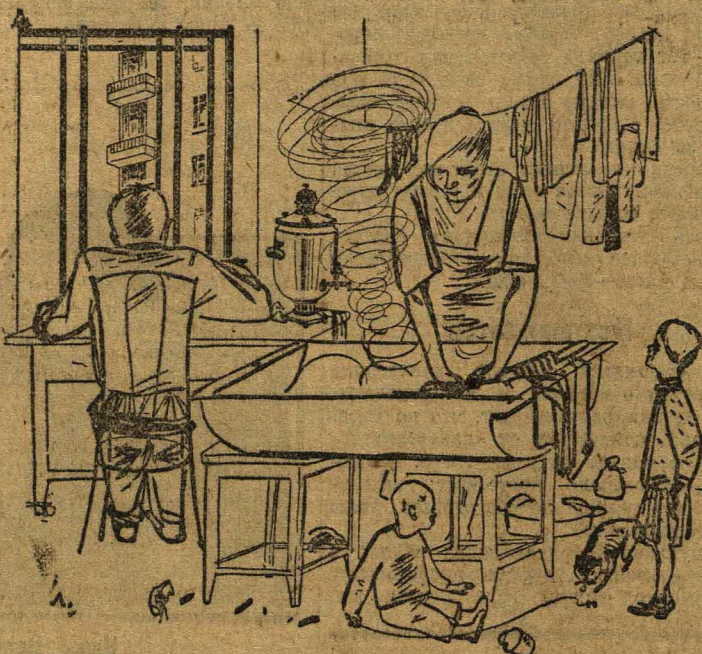
«Либералы» из ГАХН нередко любят указывать на то, что идеалисты не играют у них заметной роли. Так, ученый секретарь ГАХН проф. А. А. Сидоров недавно в публичном выступлении заявил, что не стоит гахновских «воробьев» (идеалистов) пугать крупной стрельбой. Они никакого влияния не имеют, и уж, «конечно», советской молодежи не страшны.

А в то же время под прикрытием этих «либералов» гахновские реакционеры усиленно перевоспитывают искусствоведческую молодежь, художников и вообще всех, кто попадает им в руки.

Оплот идеалистов и поповщины, реакция, укрываемая либерализмом, «бесмертная» и «художественная», но отнюдь не научная Академия не может быть оставлена в настоящем ее виде.

А. МИХАЙЛОВ.

Рис. ЛЮШИНА.

„Домашний очаг“

боту академии по непосредственно практическим результатам.

Академия ведет изучение искусства очень широко и разносторонне — с психологической, философской, физиологической, социологической и др. точек зрения. Но эта широта может быть сведена к принципиальному единству. А именно — к единству идеологической установки большинства «бессмертных».

Академия Художественных Наук — без науки

Какова их идеология? Раскрываем книгу действительного члена ГАХН Д. С. Недовича: «Задачи искусствознания» (изд. ГАХН. 1927 г.) и читаем: «...состояние творчества есть своеобразнейшее состояние духовного одиночества среди окружающего мира... „Быть художником, значит обладать тем даром магии и той способностью к экстазу, который выводит своего носителя за черту общедоступного понимания в царство фантазии, до конца не передаваемой. Художник уходит в себя, в свою грезу, доступную ему одному, и в глубине духа оплодотворяется притворяющимися ему образами... Искусство как единство является для науки предметом недоступным и до конца не познаваемым... ему совсем не нужны наши художественные науки».

Итак, искусство — общечеловеческая, вечная, культурная ценность, результат «духовного одиночества» художника, нечто таинственное и непознаваемое! Утверждение о научной непознаваемости искусства повторяет и «академик» Тарабукин в статье «Художественный образ в искусстве Богаевского» (журнал ГАХН «Искусство» № 1—2 за 1928 г.).

В Академии художественных наук наука об искусстве не пользуется почетом. Ее заменяют метафизические интуиции, психоанализ, биографические домыслы и проч. идеалистические и мистические вещи. В своей работе о Богаевском Тарабукин прекрасно иллюстрирует это. «Зловещая тьма» произведений Богаевского настолько по душе идеалисту и мистику Тарабукину, что он напыщенно заявляет: «Образ его (Богаевского. — А. М.) искусства равно близок всякой эпохе, всякой культуре. Над стогнами времени и пространства

ценность», отвлеченную от реальности. Цитируем из бюллетеня академии:

«В научном заседании комиссии П. И. Карпов доложил об особенностях циклотимического творчества, которое имеет специфические особенности, характеризующиеся отвлеченностью и возможностью делать заключения и обобщения на основе недостаточного количества признаков, что сближает механизм данного мышления и гения». (Бюллетень № 6—7, 1927, ст. 24).

«Циклотимическая отвлеченность» — настолько понравилась гахновцам, что они стали рассматривать всех художников, как «циклотимиков». Таковыми оказались Леонардо да Винчи, Ван-Гог, А. Иванов, Пюисс де Шеванн, Врубель, Чюрлянис, И. Сад и даже... Исаак Ньютон! ГАХН рассматривает их как душевнобольных, считая почти обязательным свойством «гения» — психическую аномальность. Такими вещами занимается преимущественно психо-физическое отделение.

Философия носа Клеопатры

Философское отделение продемонстрировало свои «труды» в сборнике об искусстве портрета (ГАХН, 1928). Этот сборник сплошь набит самым заумным идеализмом и метафизикой. А между тем в нем участвует «цвет» философской мысли ГАХН. Возведя индивидуалистический портрет буржуазной эпохи в вечную категорию, авторы статей попутно настойчиво проводят самые заплещеннейшие положения идеалистической философии истории.

Так, акад. Жинкин заявляет вопросом о роли личности в истории.

«Принадлежность лицу определенной формы носа, лба, глаз для него весьма существенна, так как с ним связывается его судьба и жизнь; от того, что человек имеет те или другие черты, зависит его успех и падение; с этим связано его уважение, а потому некоторые постоянства и личная устойчивость в его социальной позиции».

Итак, вот что движет историю, вот от чего зависит жизнь и судьба человека — от его собственного носа, глаз, ушей! После этого неудивительно общее требование всех авторов относи-